
Ю.А. Артамонов

В ПОИСКАХ РОСТОВСКОЙ АРХИМАНДРИТИИ

В настоящей статье ставится под сомнение существование в Древней Руси Ростовской архимандритии. Автор приходит к выводу, что летописное упоминание под 6769 (1262) г. об архимандрите Богоявленского монастыря в Ростове Игнатии является результатом ошибки переписчика, который указание на время («святое Богоявление») принял за название обители.

Ключевые слова: архимандрит, архимандрития, Киевская митрополия, Ростовская епархия, Владимирская епархия, Владимирский Рождества Богородицы монастырь, Ростовский Богоявленский монастырь, ростовский епископ Кирилл, ростовский епископ Игнатий.

Ярким свидетельством успеха политики христианизации на Руси, начало которой было положено киевским князем Владимиром Святославичем (980–1015), стало возрастание роли монашества и монастырей в политической, экономической, религиозной и культурной сферах жизни древнерусского общества. Параллельно с этим, согласно летописным свидетельствам второй половины XI – первой половины XIII в., набирал силу процесс внутренней консолидации черного духовенства, особенно активно протекавший в стольных городах Руси. Вызревание корпоративного сознания монашества привело к появлению в ряде политических центров страны института архимандритии – ведущего монастыря города, глава которого, архимандрит, имел более высокий социальный статус, нежели настоятели других обителей. По всей видимости, архимандриты обладали политическими и административными функциями, которые могли осуществлять «вовне, по отношению к городу и его властям, епископу, и вовнутрь, по отношению к другим монастырям» (Щапов 1989. С. 157; 2001. С. 578–579; 2004. С. 66).

Первыми на Руси звание архимандрита стали носить игумены Киево-Печерского монастыря. Несмотря на то, что самое раннее известие о Киевской архимандритии читается в летописи в связи с событиями 1171 г., ее возникновение следует относить к лету–осени 1165 г. (Артамонов 2017. С. 93–102). С титулом ар-

химандрита в древнерусской учительной литературе, летописных и агиографических текстах упоминаются печерские игумены Поликарп (после 1156 – 1183), Василий (1183 – после 1197), Акиндин (до 1226 – после 1231), Серапион (после 1231 – 1273). Первое упоминание о Новгородской архимандритии, которая возникла в стенах Юрьева монастыря, датируется 1194 г. (ПСРЛ. Т. 3. С. 234), обоснование этой датировки дает А.А. Гиппиус (2005. С. 11–25). Архимандритами новгородские летописцы называют игуменов Дионисия (1158–1194/95), Савватия (1194/95–1226), Савву (1226–1231), Арсения (1231 – до 1257), Варлаама (ранее 1257–1270), Кирилла (ранее 1297 – после 1310). Вероятно, в конце 20-х годов XIII в. статус архимандритии получает монастырь Рождества Богородицы во Владимире на Клязьме, основанный князем Всеволодом Юрьевичем (1176–1212) 22 августа 1192 г. Под 6738 (1230) г. Лаврентьевская летопись сообщает о поставлении на Ростовскую кафедру «игумена и архимандрита монастыря свѣя Бѣа Ржѣтва» Кирилла (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 453). В этой же хронике под 6745 (1237) г. упоминается Пахомий – «архимандрит монастыря Ржѣтва свѣя Бѣа», а под 6747 (1239) г. – «архимандрит» Дионисий (Там же. Стб. 463, 467). Весной 1389 г., согласно сообщению Симеоновской летописи, митрополит Пимин поставил Павла, «архимандрита от святого Рожества, епископом на Коломну» (ПСРЛ. Т. 18. С. 138).

Принято думать, что следующими по времени сан архимандрита приняли игумены Богоявленского монастыря в Ростове. Так, имея в виду настоятелей Рождественской обители во Владимире, Я.Н. Щапов писал: «В Северо-Восточной Руси в XIII – первой половине XIV в. этот титул получили также главы важнейших монастырей Ростова (Богоявленского, упоминаемого с 1261 г. – *Я.Щ.*) и Ярославля (Спасского, упоминаемого в 1311 г. – *Я.Щ.*)» (Щапов 1989. С. 162). Оставляя в стороне историю Ярославской архимандритии, обратимся к тексту летописной статьи 6769 (1261) г., в которой, как полагают, содержится наиболее раннее упоминание об архимандритии в Ростове. Приведу текст указанной статьи полностью:

В лѣѣ . 6769. Родіѣ Олександрѣ снѣ и наре[ко]ша има іему Даниль. Блжнны иепѣп Ростовскіи Кирилъ бѣ исполненъ дѣми. въ старості въ глѣбѣ. и в чѣтнѣ добродѣлнѣ сѣдинѣ. блгѣвѣрныи же князь Олександръ снѣ Ярославль. Борисъ и Глѣбъ Василковѣча. волею

Бѣю и поспѣшенье сѣя Бѣа. блѣвныемъ митрополита Кирила. и епѣпа Кирила. изведоша архимандрита стго Боявленя Игнатя и быѣ причетниѣ црви сѣя Бѣа в Ростовѣ. томже лѣѣ престависа князь Андрѣи Володимеричъ. на Оуглича поли и положша и в стѣмь Сѣсѣ. Тогожъ лѣѣ постави митрополиѣ епѣпа Митрофана Сарау (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 475–476).

Согласно прямому смыслу процитированного текста, великий владимирский князь Александр Ярославич (1252–1263) и его двоюродные племянники, ростовский князь Борис (1238–1277) и белозерский князь Глеб (1238–1278) Васильковичи определили в качестве преемника престарелого ростовского епископа Кирилла архимандрита Богоявленского монастыря Игнатия. Фразу «и быѣ причетниѣ црви сѣя Бѣа в Ростовѣ» нужно понимать в том смысле, что Игнатий возглавил причт главного храма Ростовской земли – собора Успения пресвятой Богородицы, являвшегося резиденцией ростовских владык. В данном случае «причетник» – это не просто член церковного причта (СРЯ. 1995. Вып. 20. С. 78), а его глава. Ср.:

Тогожъ. лѣѣ. в Нѣвѣгородѣ Великомъ. поставленъ быѣ Фектисть епѣпомъ. мѣца июла. кѣ. На памѣѣ стго. апѣла Петру и Павла. митрополитомъ. Маѣзимоѣ. Андрѣи епѣпъ Тѣѣрьскыи. Семень епѣпъ Ростовскыи. при великомъ кнѣзи Андрѣи. и быѣ причетникъ стое Софѣи. Новгородскыѣ (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 485).

Это решение определялось преклонным возрастом Кирилла, который уже не мог в полной мере выполнять свои архиерейские функции. Спустя несколько месяцев, 21 мая 1262 г., он скончался, после чего 19 сентября того же года на ростовскую кафедру уже официально был возведен Игнатий:

В лѣѣ. 6770... Престависа блжнныи оучителныи епѣпъ Кирилъ Ростовскыи мѣца. мая. вѣ. кѣ. на памѣѣ Костантина і Сѣлены. вѣ Зборѣ стѣхъ шѣб. тѣ. иѣ. се быѣ истинныи пастырь пасѣ стадо люди земля Ростовскыя с кротостью. и положиша тѣло юго в цркви сѣя Бѣа в Ростовѣ. и в него мѣсто поставленъ быѣ Игнатии. мѣца семтаѣ. вѣ. ѡѣ (Там же. Стб. 476–477).

На первый взгляд, достоверность сообщения о назначении архимандрита Богоявленского монастыря Игнатия преемником ростовского епископа не вызывает каких-либо сомнений. Однако

рассмотрение этого известия в контексте церковно-политической жизни Руси XII–XIII вв. рождает вопросы.

Как объяснить тот факт, что, кроме приведенного выше сообщения, в древнерусских источниках нет более ни одного упоминания о Ростовском Богоявленском монастыре? Отсутствуют они и в документах XIV–XV вв. Для монастыря, располагавшего статусом архимандритии, такое молчание источников является беспримерным. Это тем более странно, что Ростов был одним из крупных центров древнерусского летописания и книжности. Епископ Симон (1214/15–1226), например, в своем Послании к монаху Поликарпу (около 1225 г.) ссылается на «летописец старый Ростовский» как на авторитетный источник сведений о церковно-политических событиях XI–XII вв. (Абрамович 1991. С. 103). В пользу этого говорит и целый ряд известий второй половины XII – первой половины XIII в. в Лаврентьевской и близких к ней летописях, принадлежащих перу ростовских хронистов (Приселков 1996. С. 136–151; Лимонов 1967. С. 112–167; Насонов 1969. С. 201–225; Timberlake 2000. P. 261–264).

Почему, несмотря на высокий статус Богоявленской обители, ни один из известных представителей местных Рюриковичей не был в ней похоронен? Местом упокоения основателя династии ростовских князей Константина Всеволодича (1218 г.), получившего Ростов в удел еще при жизни отца (зимой 1207/08 г.), стал собор Успения Богородицы во Владимире (1218 г.) (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 444). Его супруга (в монашестве Агафья) и старший сын, ростовский князь Василько, были погребены в Ростовском Успенском соборе, соответственно в 1221 и 1238 гг. (Там же. Стб. 445, 467). Здесь же обрели вечный покой ростовский князь Борис Василькович (1277 г.), его младший брат, князь белозерский и ростовский Глеб (1278 г.) с супругой Феодорой (1273 г.) (ПСРЛ. Т. 18. С. 75, 76, 74) и сыном, белозерским князем Михаилом (1293 г.) (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 527). Очевидно, что в Ростове, как и во Владимире, роль княжеской усыпальницы играл преимущественно кафедральный собор. В то же время наличие этой традиции не исключало возможности погребения представителей правящей династии и в стенах монастырей. Так, в 1263 г. тело умершего владимирского князя Александра Ярославича было положено не в Успенском соборе Владимира, где покоились отец и дед, а в архимандритии – «монастыри у святой Богородицы Рожества» (ПСРЛ. Т. 3. С. 84). Вдову князя Василька Константиновича хоронили не рядом с мужем под

сводами Ростовского кафедрального собора, а в расположенном в километре от города Спасском монастыре (1271 г.) (ПСРЛ. Т. 18. С. 73–74).

Наконец, как объяснить участие владимирского князя Александра в выборе кандидата на Ростовскую кафедру? Ведь это было предпочтением ростовских правителей – Бориса и Глеба Васильковичей. В Древней Руси выбор архиерея, как правило, зависел от желания князя, в земле которого находилась епархия. Ростовская кафедра в этом смысле не была исключением. Одним из примеров тому может служить поставление в епископы «всей земли Ростовской» игумена киевского монастыря Спаса на Берестове Луки (1184 г.), которое было совершено по воле князя Всеволода Юрьевича, вопреки намерению митрополита Никифора II (до 1183 – после 1198) (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 390–391). Этому алгоритму следовали и потомки Всеволода. В 1214 г. его сын, ростовский князь Константин возвел на Ростовскую кафедру своего духовного отца, игумена Петровской обители Пахомия. Тогда же младший брат Константина, владимирский князь Юрий (1212–1238, с перерывами) сделал епископом Владимира и Суздаля настоятеля Рождественского монастыря Симона, что привело к фактическому разделению Ростовской епархии (Там же. Стб. 438). Когда в 1216 г. Пахомий скончался, Константин заменил его постриженником Дмитриевского монастыря в Суздале Дионисием (на тот момент Суздаль находился в сфере влияния ростовского князя) (Там же. Стб. 439).

Мне представляется, что объяснить участие Александра в замещении ростовского епископа Кирилла архимандритом Игнатием может помочь сообщение летописной статьи 6738 (1230) г. о поставлении на кафедру самого Кирилла. Приведу текст этого известия полностью:

Тогож. лѣт. блговѣрнии князи. Василко. и Всеволодь. и Володимерь. послаша къ шїю своіему Гюргю. и къ епѣпу Митрофану. по Кирила. игумена и архимандрита. манастыря стѣя Бѣа Ржѣтва. дабы и пустил на епѣпство Ростову. и ѿпусти князѣ великыи Юрги. Кирила на епѣпство Ростову. изидоша же на срѣтенъе Кирилово. князѣ и княгыни. и боларе. и вси мужи Ростовскыя. и игумени. и попове. и стѣя зборныя црѣкве клиросѣ и вси гражане. ѿ мала и до велика. и введоша и с великою чѣтью. в стѣю зборную црѣквь стѣя Бѣа (Там же. Стб. 453).

Согласно летописи, трое Константиновичей – Василько, Всеволод и Владимир – отправили посольство к князю Юрию Всеволодичу и епископу Митрофану (1227–1238) во Владимир с просьбой разрешить архимандриту Рождественского монастыря Кириллу возглавить Ростовскую кафедру. Юрий удовлетворил просьбу племянников, отпустив Кирилла в Ростов, где его торжественно встретили княжеское семейство, боярство, духовенство и горожане. Я склонен интерпретировать эти события следующим образом: выбор в пользу Кирилла был сделан князьями Ростовской земли самостоятельно, согласие же со стороны Юрия и Митрофана потребовалось потому, что Рождественский монастырь находился в их непосредственной юрисдикции. Возникает предположение: а не повторилась ли эта ситуация спустя почти 30 лет в процессе выбора преемника Кирилла? Может быть, на обитель, из которой в 1261 г. «вывели» Игнатия, тоже распространялись правомочия владимирского князя. Тогда участие Александра в замещении Кирилла приобретает вполне определенный смысл: владимирский правитель не нарушал прерогатив ростовских князей, а только санкционировал их выбор, разрешив переход настоятеля подконтрольной ему обители в другую землю.

Откуда же был «выведен» Игнатий? В данном случае решающее значение имеет указание летописца на его сан «архимандрита». Во владениях Александра существовала только одна обитель в статусе архимандритии, а именно – монастырь Рождества Богородицы во Владимире, основанный, как уже отмечалось выше, князем Всеволодом Юрьевичем в 1192 г. К середине XIII в. в Северо-Восточной Руси уже сложилась традиция поставления рождественских игуменов на епископские кафедры. Летопись сообщает о трех таких фактах. В прошлом настоятелями Рождественского монастыря были владимирский епископ Симон (с 1214 г.), владимирский епископ Митрофан (с 1226 г.), ростовский епископ Кирилл (с 1230 г.). Думаю, что поставление Игнатия являлось продолжением этой практики.

Если все сказанное выше верно, то тогда каким образом архимандрит Рождественского монастыря Игнатий превратился в «архимандрита святого Богоявления»? На мой взгляд, это – результат ошибки, превратного понимания авторского текста переписчиком, смысл которой состоит в том, что указание на время прибытия Игнатия в Ростов было интерпретировано как место его монашеского служения.

Одной из ярких особенностей ростово-суздальского летописания второй половины XII – первой половины XIII в. является пространная (многосоставная) датировка событий. В своей основе она содержит указания на месяц, дату и церковный праздник, но может включать и определение дня недели, реже – времени суток. Ср.: 6683 (1175) г. – «Оубыен же бы^с. м^сца. июня. в^с. кѣ. днѣ на памл^т. с^тюу ап^слу. Петра. и Павла. в су^бту на ночь»; 6694 (1186) г. – «В то^ж лѣ^т. того^ж. м^сца. мая в^с. иї. днѣ. на памл^т ста^т му^ч. Потапья»; 6705 (1197) г. – «М^сца. марта. в^с. кѣ. днѣ. на памл^т с^тое м^чнци Матроны»; 6714 (1206) г. – «М^сца марта. в^с. лї. днѣ на памл^т с^тое м^чци . Евдокѣи»; 6725 (1217) г. – «М^сца. июна. в^с. к^с. днѣ. на памл^т. ста^т пр^рка Ільи. в^сгнаго в^схоженья»; 6735 (1227) г. – «М^сца. марта. в^с. дї. днѣ. на памл^т. ста^т преподобна^т в^са Венедикта. в^с днѣ в^скр^сенья Г^сна. в препловленье ста^т поста. еда твори^м поклоненье ч^стному кр^сту»; 6745 (1237) г. – «М^сца. марта. в^с. дї. днѣ. на памл^т с^тюу м^чнку. Павла. и Оульяны» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 369, 396, 412, 421, 441, 449, 465).

В предлагаемой ниже таблице показано распределение таких датировок по десятилетиям. Учтены все хронологические показания в Лаврентьевской летописи за 1155–1262 гг., содержащие указание на месяц, число и церковный праздник события.

Таблица 1

Распределение пространных датировок по тексту Лаврентьевской летописи

Период	1155–1164	1165–1174	1175–1184	1185–1194	1195–1204	1205–1214	1215–1224	1225–1234	1235–1244	1245–1254	1255–1262
Количество пространных датировок	1	2	6	19	18	19	10	15	3	4	2

Как следует из приведенной таблицы, пространственные датировки встречаются в летописи неравномерно. В тексте за третью четверть XII в. они встречаются достаточно редко, но демонстрируют постепенный рост. В период со второй половины 80-х годов XII в. до середины 10-х годов XIII в. их применение достигает максимально высокого уровня, после чего несколько снижается, но все же остается сравнительно высоким вплоть до середины

30-х годов XIII в. В дальнейшем указания на месяц, число и церковной праздник для определения времени того или иного события встречаются редко, что, по всей видимости, следует относить на счет монгольского завоевания, которое привело к сбою в годной фиксации фактов. В данный период наблюдается использование кратких датировок: летописцы ограничиваются указанием либо на месяц и число, либо на церковный праздник. Примерами второго рода могут служить следующие хронологические показания: 6747 (1239) г. – «Сцѣна бы^с цр^кы Бориса и Глѣба в Кидекшии великы^м сцѣнье^м. на пра^с. Бориса и Глѣба»; 6748 (1240) г. – «Си же злоба приключиса до Рж^ства Г^сна. на Николинъ днѣ»; 6756 (1248) г. – «И положиша и в стѣнѣ оу стое Бѣи. на пама^т стго. имр^к»; 6757 (1249) г. – «Престависа в Володимери. на пама^т стго. первом^тнка Стефана»; 6757 (1249) г. – «Престависа в Володимери. на пама^т ста^т Февдора»; 6767 (1259) г. – «Приѣха из Новагорода. Олександръ. к стѣи Бѣѣ в Ростовъ. въ сре^т стр^стныя не^с» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469, 470, 471, 472, 475).

Этот способ датировки – указание только на церковный праздник – был использован и автором известия о замещении ростовского епископа Кирилла, который отметил, что Игнатий был «выведен» из монастыря и поставлен во главе причта Ростовского собора в день «святого Богоявления», то есть 6 января. Упоминание о празднике Богоявления в качестве хронологического указания неоднократно встречается в Лаврентьевской летописи: 6732 (1224) г. – «Поставленъ бы^с митрополитомъ. в стѣи Сооѣѣ Киевѣ. блж^нныи Кириль Гръчинъ. м^сца. генва^т. въ. с^т. в праздни^к Богоявления»; 6735 (1227) – «Тое же зимы. м^сца. генва^т. въ. с^т. днѣ. в праздни^к ч^стнаго Боявления Г^са на ш^тго Іс^с Х^са. в че^т. престависа кна^с Володимеръ. наре^чныи в стѣмъ кр^стении Дмитрии»; 6736 (1228) г. – «Тое же зимы. м^сца генва^т. въ. с^т. днѣ. в канунъ Боявле^ня. сгорѣша хороми кнажи. и цр^кви двѣ» (Там же. Стб. 447, 449, 451).

Допускаю, что в своем первоначальном виде сообщение об этом событии могло иметь следующие чтения: 1) «Изведоша архимандрита Игнатя [в праздник] стго Боявления и бы^с причетн^к цр^кви стѣи Бѣа в Ростовѣ», 2) «Изведоша архимандрита Игнатя [на] ст[ое] Боявлень[е] и бы^с причетн^к цр^кви стѣи Бѣа в Ростовѣ».

Насколько предлагаемая конъектура соответствует внутренней хронологии летописной статьи 6769 (1261) г., сказать сложно, поскольку ни одно из описанных в ней событий не имеет

точной датировки. Статья начинается с известия о рождении у князя Александра сына Даниила, затем следует рассказ о выборе Игнатия, далее – сообщения о смерти угличского князя Андрея Владимировича и о поставлении на Сарайскую кафедру епископа Митрофана. В данном случае летописец придерживался мартовского стиля летосчисления, поэтому указанные события нужно относить к периоду между 1 марта 1261 и 28 февраля 1262 г. (Бережков 1963. С. 262). Ключевое значение для верификации времени назначения Игнатия причетником Ростовского кафедрального собора имеет календарная дата рождения Даниила Александровича, которая в летописи не указана. Однако известно, что князь Всеволод Юрьевич и его ближайшие потомки имели обыкновение называть новорожденного именем святого, день памяти которого либо совпадал с датой появления ребенка на свет, либо незначительно отстоял от нее по времени. Такое имя могло быть основным или вторым – христианским. Этому в Лаврентьевской летописи есть прямые подтверждения: 6695 (1287) г. – «Мѣца. мая. вѣ. днѣ на пренесенъе стѣю мѣнку Бориса и Глѣб. родиса оу Всеволода княза великаго снѣ. и нарекоша има юму в стѣмь крѣнии Борисъ»; 6702 (1194) г. – «Того^ж лѣ^ф. родиса оу блгѣвѣрнаго и хрѣолоубиваго. княза Всеволода снѣ Гюргева. внука Володимера Мономаха. снѣ мѣца. вкта^б. вѣ. кѣ. на памл^т стѣо Маркиана. и Мартурья. в канунъ ста^т Дмитрия. и наре^чнѣ бы^с в стѣмь крѣнни Дмитрии» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 404, 411–412). Можно привести и другие примеры. Христианское имя князя Ярослава Всеволодича было Федор, а датой рождения – 8 февраля, день памяти великомученика Феодора Стратилата; князь Всеволод Константинович, который носил христианское имя Иоанн, родился 19 июня в день памяти преподобного Иоанна Отшельника.

Дошедшие до нас печати московских князей Даниила (1272–1303) и его сына Юрия (1303–1325) свидетельствуют, что небесным покровителем младшего сын Александра Ярославича был преподобный Даниил Столпник (V в.) (Янин 1984. С. 154–155; Кучкин 1995. С. 93). Об этом говорит и образ этого святого на медальоне, который сопровождает изображение князя на фреске северо-западного столпа в Архангельском соборе Московского Кремля (Самойлова 2004. С. 142, 146). И, поскольку иные имена Даниила нам не известны, есть основания полагать, что он был назван непосредственно по дню своего рождения. День памяти

святого Даниила Столпника приходился (по старому стилю) на 11 декабря, следовательно, 11 декабря 1261 г. следует считать датой появления на свет первого московского князя. Любопытно, что тот же принцип имянаречения, зафиксированный Лаврентьевской летописью под 6761 (1253) г., был реализован незадолго до появления на свет Даниила в отношении его троюродного племянника: «Того^ж лѣ^т. родиса снѣ Борису князю Василковичю. мѣца. се^тта. вѣ. а^т. и нарекоша имя юму в стѣмъ крѣцнѣи Дмитрии» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 473). Ростовский князь Дмитрий Борисович, правнук Константина Всеволодовича, родился 11 сентября 1253 г. в день памяти мученика Димитрия из Скепсии. К этой точке зрения склоняются А.Ф. Литвина и Ф.Б. Успенский (Литвина, Успенский 2006. С. 535).

Установить точные календарные даты смерти князя Андрея Владимировича Угличского и поставления епископа Митрофана при нынешнем состоянии источниковой базы не представляется возможным. День преставления князя Андрея не известен, панихидная память ему совершается 4 июля, в день тезоименного святого Андрея Критского (Денисов 2001. С. 366).

Поскольку, при мартовском летосчислении, день памяти преподобного Даниила Столпника (11 декабря) предшествует празднику Богоявления (6 января), предложенное нами прочтение известия о выборе Игнатия не нарушает внутренней хронологии статьи 6769 (1261) г. С точки зрения последовательности и общей логики развития событий, оно хорошо согласуется и с показаниями следующей летописной статьи 6770 (1262) г., а именно: смертью епископа Кирилла 21 мая 1262 г. и официальным поставлением Игнатия на Ростовскую кафедру 19 сентября 1262 г.

Итак, картина смены владык на Ростовской кафедре в начале 60-х годов XIII в. может быть представлена в следующем виде. 31 марта 1260 г. по дороге из Новгорода во Владимир князь Александр Ярославич остановился в Ростове, где был тепло встречен епископом Кириллом, ростовскими князьями Борисом и Глебом и их матерью княгиней Марией (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 475). Александр благодарил ростовского владыку за молитву, которая дала силы совершить поездку в Новгород и теперь невредимым держать путь домой. Возможно, уже тогда княжеское семейство ходатайствовало перед гостем о преемнике Кирилла, желая видеть в этом качестве архимандрита Рождественского монастыря во Владимире Игнатия. Не исключено, что решающее слово в этом выборе принад-

лежало самому Кириллу, в прошлом настоятелю той же обители. Александр, будучи ктиторм монастыря (в нем он впоследствии и был погребен), дал согласие на переход Игнатия в другую землю. 6 января 1262 г., на праздник Богоявления Господня, Игнатий прибыл в Ростов, где возглавил клир Ростовского Успенского собора – официальной резиденции епископа. Сообщение об этом событии было внесено в летопись. 21 мая 1262 г. произошло то, что и ожидалось, – скончался епископ Кирилл, 19 сентября того же года на Ростовскую кафедру был официально поставлен Игнатий. Спустя некоторое время с легкой руки переписчика указание на время прибытия Игнатия в Ростов («Изведоша архимандрита Игнатя в праздник стго Боявленья...») трансформировалось в место его монашеского служения («Изведоша архимандрита стго Боявленья Игнатя...»). Так «возник» неизвестный источникам XI–XV вв. Ростовский Богоявленский монастырь, наделенный высоким статусом архимандритии.

В заключение добавлю, что приведенные в настоящей статье соображения ставят под сомнение не только существование древнерусского этапа в жизни Ростовского Богоявленского монастыря (ныне – Авраамиев Ростовский в честь Богоявления мужской монастырь), но и раннюю датировку деятельности его легендарного основателя – преподобного Авраамия Ростовского. Таким образом, подтверждается справедливость наблюдений Е.Е. Голубинского, который на основе анализа агиографических и иных текстов, пришел к заключению, что «преп. Авраамий Ростовский жил не ранее второй половины XIV в.» (Голубинский 1881. С. 641–653).

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамович Д.И.* Киево-Печерский патерик. Київ, 1991.
- Артамонов Ю.А.* Время и обстоятельства возникновения первой русской архимандритии // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М., 2017. № 4 (67). С. 93–102.
- Баталов А.Л.* Авраамиев Ростовский в честь Богоявления мужской монастырь // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. 1. С. 163–165.
- Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963.
- Гиппиус А.А.* Князь Ярослав Владимирович и новгородское общество конца XII в. // Церковь Спаса на Нередице: От Византии к Руси. К 800-летию памятника. М., 2005. С. 11–25.

- Голубинский Е.Е. История Русской церкви. М., 1881. Т. 1, 2-я пол.
- Денисов В.В. Андрей Владимирович // ПЭ. М., 2001. Т. 2. С. 366–367.
- Кучкин В.А. Первый московский князь Даниил Александрович // Отечественная история. 1995. № 1. С. 93–107.
- Лимонов Ю.А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967.
- Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в XI–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропониимики. М., 2006.
- Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969.
- Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996.
- Самойлова Т.Е. Княжеские портреты в росписи Архангельского собора Московского Кремля: Иконографическая программа XVI в. М., 2004.
- Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989.
- Щапов Я.Н. Архимандрития // ПЭ. М., 2001. Т. 3. С. 578–579.
- Щапов Я.Н. Соборные церкви и монастырские организации в русском городе до XV в. // Очерки русской истории, источниковедения, археографии. М., 2004. С. 59–71.
- Янин В.Л. К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в. // Летописи и хроники, 1980. М., 1984. С. 153–181.
- Timberlake A. Who Wrote the Laurentian Chronicle (1177–1203) // Zeitschrift für slavische Philologie. 2000. Bd. 59. S. 261–264.

Yuri A. Artamonov

IN SEARCH OF THE ARCHIMANDRITIA OF ROSTOV

The author questions the existence of the office of Archimandrite of Rostov in Old Rus period. He argues that the chronicle note *s.a.* 6769 (1262) mentioning Archimandrite Ignatius of the Monastery of the Epiphany in Rostov appeared as a result of a scribal mistake. The copyist misread a date (the feast of St Epiphany) as a name of a monastery.

Key words: archimandrite, the Metropolis of Kiev, the See of Rostov, the See of Vladimir, the Monastery of the Nativity of the Virgin in Vladimir, the Monastery of the Epiphany in Rostov, Bishop Cyril of Rostov, Bishop Ignatius of Rostov.